

DOI: 10.15643/libartrus-2018.5.5

Евримен Н. С. Гумилева в сборнике «Огненный столп»

© Р. М. Сафиулина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, 105318 г. Москва, улица Измайловский Вал, 2.

Email: ranovi@mail.ru

В статье анализируется проблема всеобщего человека («евримена») в творчестве Н. С. Гумилева (на примере последнего сборника поэта «Огненный столп»). В результате исследования сделаны выводы о том, что Гумилев создает в своих произведениях поэтическую интерпретацию проблемы человека в соответствии с открытиями новых наук о человеке, появившимися в конце XIX – начале XX в.: антропологии, феноменологии, социологии, психоанализа. Философский и эстетический концепты человека Гумилева базируются на художественном приеме «евримен». Объединяющим началом всех произведений поэта служит мифологизированная история судьбы человека. Изображение человека как евримена позволило поэту раскрыть универсальную сущность человека, выявить антропологическую константу «Человека». Впервые в сборнике «Огненный столп» Гумилев отказывается от приема устранения автора, включая себя в концептуальное понятие «человек». На примере стихотворений «Память», «Душа и тело», «Заблудившийся трамвай» доказывается, что определяющей идеей сборника «Огненный столп» поэта стала уникальность человека в мироздании, его отличие от всего на земле, сублимированная «собственная судьба», сохраненная в глубинах человеческой памяти, наличие «шестого чувства» – умения творить произведения искусства. Образ человека в сборнике «Огненный столп» гиперболизируется, приобретая космический масштаб.

Ключевые слова: Гумилев, человек, евримен, Бергсон, прапамять, антропология, феноменология.

Обращение Гумилева к проблеме человека вызвано колоссальными изменениями в общественном сознании, инспирированными научными открытиями нового XX в., что привело к разрушению старой «картины мира». Поэтому главной задачей науки и искусства стали поиски «нового человека». «Мысль и общество продолжают, подобно Диогену, пребывать в поисках человека» [19, с. 52].

Находясь в сердцевине исторических и художественных событий в Санкт-Петербурге, Москве, Париже, Лондоне, совершая исследовательские путешествия по Африке, участвуя в Первой мировой войне, наблюдая за человечеством в мирные и переломные годы русских революций, Гумилев создает свою поэтическую интерпретацию проблемы человека в соответствии с открытиями новых наук о человеке, появившимися в конце XIX – начале XX в.

Творчество Гумилева выходило за рамки чисто поэзии, в них эклектично воплотились художественная, философская и научная рецепции данной темы. А. И. Павловский пишет о Гумилеве 1910-х гг.: «...его стали интересовать и волновать кардинальнейшие проблемы времени, он искал универсальных связей, соединяющих человечество и мир» [11, с. 56]. Через все произведения поэта объединяющим началом проходит единая судьба человека:

- трагизм происхождения Человека (в мифопоэтической трактовке);
- трагизм изначального одиночества его экзистенциального сознания, отчужденность от прародины, заброшенность на чужбине;

- антимонии могучего инстинкта жизнотворчества и осознания своей смертности;
- выход сознания и бессознательного в жизнотворчестве.

Для создания своего философского и эстетического концепта *человека* Гумилев в качестве прото-человека редуцирует «эвримена». *Эвримен* (от англ. Everyman – всякий человек), всеобщий, обобщенный человек, воплощающий в себе универсальную феноменологическую сущность всего человечества.

Художественная практика интерпретации судьбы героев литературных произведений как обобщенного всеобщего человека характерна для русской литературы конца XIX – начала XX в. Своего «обобщенного человека» – эвримена – создали М. Горький в поэме «Человек», Л. Андреев в «Жизни человека», И. Бунин в «Господине из Сан-Франциско». Притчевая форма позволила писателям переосмыслить трактовку человека, придать ей широкий философский формат и архетипическую глубину.

Персонифицированные лирические субъекты «Человека» – эвримена – Н. С. Гумилева раскрываются преимущественно через сознание, внутренний монолог, размышление с самим собой для них превращается в online-дневник, в котором он подводит своеобразный итог проживаемого мгновения, дня, события, встречи, поступка, действия (ибо он несется в безудержном жизненном потоке – по А. Бергсону). И эти размышления в сознании лирических субъектов интродуцируются в феноменологическую глубину, создавая и расширяя с каждым произведением поэта общее феноменологическое понятие «человек».

Таким образом, использование концепции «человек как эвримен» Н. С. Гумилевым связано с художественными (эстетическими) и научными (философскими, социологическими) целями поэта. Поэзия Гумилева раскрывает онтологический статус человека, аксиологические аспекты жизнедеятельности человека, смыслообразующие мотивации человеческой жизни, порождающие сложную иерархическую структуру мира.

Проблема эвримена в творчестве Н. С. Гумилева и само понятие «эвримен» применительно к человеку поэта впервые исследованы автором в статьях «Платоновские мотивы в творчестве Н. С. Гумилева (Опыт акмеистического прочтения Платона)» [13] и «Образ маятника в поэзии Н. С. Гумилева» [12].

Отдельные аспекты данной проблемы присутствуют в работах Ю. Айхенвальда [1, с. 494], А. И. Павловского [11, с. 54], М. Баскера [2, с. 41], О. А. Бердниковой [4, с. 33], О. А. Дашевской [7, с. 59]. Айхенвальд отмечал внутреннее движение поэзии Гумилева к глубоким философским обобщениям [1, с. 494]. М. Баскер на примере сборника Гумилева «Путешествие в Китай» впервые указал, что объединяющим началом у всех героев стихотворений поэта является «осознание падшего состояния», проклятие первородного греха, которое человеку необходимо преодолеть, выжить, победить в жизненной схватке, «мужественно» изведав предопределенную участь до самого конца [2, с. 17].

Павловский выделил как самое значительное поэтическое открытие Гумилева о единовременном существовании в душе человека (в его «прапамяти») разных времен и пространств (в стихотворении «Заблудший трамвай» из сборника «Огненный столп») [11, с. 55]. Бердникова, анализируя антропологическую художественную модель Гумилева, выявила определяющую константу его лирического героя как «Homo Faber» [4, с. 33].

Наиболее близко подошла к проблеме всеобщей сущности человека Гумилева О. А. Дашевская. Исследователь, размышляя о внесоциальном характере поэзии Гумилева, приходит к вы-

воду, что поэт отображает внеисторическое, универсальное в человеческом бытии и неизменную сущность самого человека: «...какие бы конкретные „формы“ (обличья, „маски“) не принимал человек в перевоплощениях, есть нечто, надстоящее над меняющимися душой и физической оболочкой („Память“, 1921), некая неизменная сущность, сохраняющаяся всегда...» [7, с. 59]. Однако, несмотря на достижения исследователей творчества Н. С. Гумилева, эта проблема остается открытой.

Сборник Гумилева «Огненный столп» (1915 г.) по праву считается вершинным достижением Гумилева как поэта. «Эта книга глубоких и в поэтическом отношении совершенных стихов, достойных занять высокое и почетное место в истории нашей поэзии» [11, с. 54].

Исследователи творчества Н. Гумилева предлагают различные интерпретации названия сборника «Огненный столп».

В «Книге Неемии» Ветхого Завета звучит этот символ: «В столпе облачном ты вел их днем, и в столпе огненном – ночью, чтобы освещать им путь, по которому идти им» [5, IX, 12].

Согласно другой версии, название сборника возникло как осмысление мифологемы в тексте Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «О, горе этому большому городу! – И я хотел бы уже видеть огненный столп, в котором он сгорает! Ибо эти огненные столпы должны предшествовать великому полудню. Но это имеет свое время и свою собственную судьбу» [9, с. 245].

Дионисийский оккультный след названия «Огненный столп» виден из ритуала воскрешения Вакха – Диониса. Согласно древнегреческим представлениям, Дионис (Вакх) был формой солнечной энергии. Его эманация как андрогина связана с огнем и дымом (как в стихотворении Гумилева). Процесс воскрешения Диониса означал извлечение различных частей тела Вакха из титанических строений мира. Он символизируется огнем и дымом, поднимающимися от сжигаемых тел титанов. Дым символизирует восхождение души, потому что эволюция есть процесс подъема души, подобно подъему дыма из божественно поглощенной материальной массы. Следовательно, древние говорят, что человек познает богов не логикой, не разумом, а, скорее, реализацией присутствия богов внутри себя [18, с. 106–107].

В стихотворениях сборника «Огненный столп» Гумилев транспонирует понятия автора, «тел», «масок» как лирических субъектов своей поэзии в единое целое – объединенное Я человечества, «тело» человечества.

«Огненный столп» открывает ключевое для понимания всего сборника стихотворение «Память», которое представляет собой мифологизированную историю судьбы человека. Впервые в стихотворении «Память» Гумилев отказывается от любимого поэтического приема, который он использовал во всех своих предыдущих поэтических сборниках, – устранение автора. Задействовав в тексте свои биографические данные и внося себя как одного из представителей *Homo sapiens* и *Homo faber* в контекстуальный ареал всего человечества поэт выстраивает мифопоэтический портрет человека космического значения, наполненный глубокими ассоциативными напластованиями. Это портрет не просто человека антропологического порядка, а «Человека» как мифологемы и философемы.

В сборнике «Огненный столп» определяющим станет уникальность человека в мироздании, его отличие от всего на земле, сублимированная «собственная судьба» (в широком обобщенном понимании как судьбы всего человечества) человека, запечатленная в глубинах человеческой памяти, сознании – то, чего нет у других живых существ (аллюзии из А. Бергсона). «Повсюду, за исключением человека, сознание оказалось загнанным в тупик: только с челове-

ком оно продолжало свой путь. Человек продолжает поэтому в бесконечность жизненное движение, хотя он и не захватывает с собой всего того, что несла в себе жизнь» [3, с. 237–238].

Рефреном через весь текст «Огненный столп» проходит мысль «Мы меняем души, не тела» как антитеза другим живым существам, которые меняют только тела. Эта идея «эволюция есть процесс подъема души» будет главной во всех остальных стихотворениях сборника, в т.ч. в «Заблудшем трамвае». В основе этой мысли Гумилева лежит один из философских открытий А. Бергсона – понятие «длительности времени». Бергсон пишет в своей «Творческой эволюции»: «Из всего, что существует, самым достоверным и всего более известным является наше собственное существование. Каков точный смысл слова «существовать»? Я перехожу от состояния к состоянию, я меняюсь постоянно. Если бы состояние души перестало изменяться, то длительность прекратила бы свое течение» [3, с. 1].

Стихотворения сборника «Огненный столп» представляют собой эти «прорвавшиеся к поверхности сознания воспоминания», осколки былой жизни, хранившиеся в глубинах человеческой памяти (А. Бергсон).

В сборнике «Огненный столп» Гумилев по-новому выстраивает взаимоотношения I и Me. Согласно антропологии, I – инстанция, обозначающая наиболее уникальные проявления человеческой сущности, ее антропологическую константу. Me – инстанция, обозначающая наиболее обычные ее проявления, как нашу похожесть на других. Гумилев на первый план выдвигает I, избирая как точку отсчета для отражения сущности человека. В сборнике «Огненный столп» обобщение понятия «человечество» приобретает феноменологическую глубину, социологическое обобщение, художественную лиро-эпическую масштабность. Сама фигура человека в сборнике гиперболизируется, приобретает космический масштаб. Тема космоса как дома человека все активнее вторгается в поэзию Гумилева. В предыдущих сборниках (стихотворение «Сахара») поэт уже упоминал марсиан, всматривающихся с орбиты в планету Земля, писал, что на Венере у деревьев синие листья (стихотворение «На Венере, ах, на Венере...»). Гумилев даже придумал венерианский язык. «Изобретение неведомого языка стоит в некоторой связи с акмеистически-адамистской программой девственных наименований. Показательно, что сходный мотив возникает как в ситуации самонаречения „первого человека“ в раннем рассказе Гумилева „Гибели обреченные“...» [15, с. 14].

Ю. Айхенвальд писал о чувстве космоса в творчестве Гумилева: «...у него есть чувство космичности: он не довольствуется внешней природой, той, «которой дух не признает»; он прозревает гораздо глубже ее пейзажа, ее наружных примет» [1, с. 494].

Гумилев, человек научного взгляда на мир, не мог остаться в стороне от новых научных идей космизма, которые представляли собой с конца XIX – начала XX в. новую философскую традицию «осмысления жизни и задач человека как вершинного ее порождения» [14, с. 185]. «Человек» Н. Гумилева в сборнике «Огненный столп» отказывается от личной свободы ради священного долгожданного боя за все человечество. Он берет на себя ответственность говорить от имени всего человечества, творить на земле от имени всех людей. Одновременно в тайниках его души сохраняется комплекс «блудного сына», ревнующего к славе Отца и строящего свой храм по подобию Отчего:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле [6, с. 310].

Но пора отрочества проходит, и вот новый человек, глубоко осознавший свою автономность в мироздании, обретший силы, зрелый ум, создает собственную судьбу. Он мужественно и бескомпромиссно, не оглядываясь на Отца, оставляет в прошлом свои сомнения и комплексы. Он распрямляет свои плечи, ощущает свою силу, осознает свою уникальность:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны [6, с. 310].

Человек впервые без боязни и страха, без просьб и мольбы поднимает свои взоры на небо, но представление о небе в нем меняется. В сборнике «Огненный столп» Гумилева понятие «небо» – уже не контаминация понятий «Отчий дом», «прародина» (в платоновской и христианской традициях), а трансформация в новый для поэта концепт – *космос*. И звезды теперь для человека – это планеты, где возможна жизнь, сады:

Это Млечный Путь расцвел неожиданно,
Садом ослепительных планет [6, с. 310].

И человек без страха принимает свой смертный предел, с мудрой философичностью принимая его как неизбежность, как свой человеческий удел. Гумилев акцентирует внимание на глубине душевной наполненности человека, мужественности его жизнепринятия как комплекса счастья и горя, упоения и обреченности:

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла? [6, с. 310].

Этот крик человека – не о помощи или спасении, а обращение к самому себе, только сам человек может решить свои проблемы, только он может спасти самого себя. Так евримен Гумилева превращается в личность. По мнению К. Г. Юнга, личность – это результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора [20, с. 191].

Эта же тема звучит и в другом стихотворении сборника «Душа и тело», которое можно интерпретировать как ответ человека начала XX в. древнегреческому философу Сократу через два тысячелетия. Как же изменилась природа человеческая в течение этого времени? Как повлияли на соотношение тела и души последние социальные изменения и научные открытия?

В стихотворении «Душа и тело» Человек Гумилева держит ответ на вопрос, что важнее для человечества – тело или душа – не перед людьми, не перед собой, а перед Богом, всем окружающим миром. И ответ человека должен стать определяющим, атрибутивным для выявления сущности человека в космическом значении, в масштабах мироздания, его места во Вселенной, все еще ведомой Богом (в чем человек не сомневается).

Гумилев создает свое удивительное представление о космосе, как вместилище жизни, родного дома, где мирно уживаются и вечная природа, и человек с его метаниями, и Бог, как естественная составляющая мира, но Бог, живущий как бы своей автономной жизнью, не мешающий человеку в его поисках вечных истин и смысла жизни и только иногда появляющийся в жизни вопрошающего человека. И здесь, в стихотворении «Душа и тело» «...слово бога с высоты / Большой Медведицею заблестело / С вопросом: „Кто же, вопрошатель, ты?“» [6, с. 314].

Сам вопрос Бога «Кто ты, человек?» свидетельствует, что Творец проглядел становление человека, он не ожидал таких впечатляющих результатов от тех слабых, боязливых, несамостоятельных существ, которых он отправил в суровую действительность, фактически на

смерть, как кару за познание. Ответ же человека демонстрирует и «милость», и «дерзость»; в нем мудрость человека, заплатившего дорогой ценой за эту мудрость, и благодарность Богу за прекрасно-огромный божий мир-космос, в котором он живет, и сомнения в себе (дарвиновская аллюзия; человек всего лишь звено в эволюционной цепочке, биологическое существо, сродни «псу, который воет, если месяц светел»), и гордость за себя, выжившего и вставшего на ноги, и поднявшего смелый взор на небеса. Да, человек по-прежнему смертен, его век трагически и несправедливо краток:

Меня, которому единое мгновенье
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопредставления? [6, с. 314].

В этих строках поэта можно уловить еще один семантический смысл названия сборника «Огненный столп» – это обряд смерти и похорон человека – сожжение его тела, огненный финальный аккорд его краткой в размерах Вселенной жизни человека, это мудрость Заратустры «Всею своя судьба» и Экклезиаста.

Самое знаменательное и достойное похвал в человеке – это сознание, память, благодаря которым смертный, физически уязвимый, крохотный в масштабах Вселенной и космоса человек своей мыслью, «словно древо Игдрозиль, / Пророс главою семью семь вселенных» [6, с. 314]. Гумилев вновь вспоминает А. Бергсона: «Лишь интуиция погружается в сущность, сливается с ней и получает, таким образом, отпечаток истинной реальности» [3, с. 246]. Только сознанию человека с помощью интуиции дано познать сущность реального мира:

А вы – вы только слабый ответ сна,
Бегущего на дне его сознанья [6, с. 314].

Стихотворение «Заблудившийся трамвай» – совершенно инновационное произведение Гумилева, предвосхитившее будущие постмодернистские открытия: перемещение во временных и пространственных пластах как ландшафтах истории и культуры, смещение I и Me, Я и Мы, технологизацию образов (в духе О. Шпенглера), полифонизм голосов, смешение автора и лирических субъектов, резкую смену фокусировки лирического «я», смещение феноменального и ноуменального смыслов.

«Заблудившийся трамвай» – это аллегорический концепт человечества в технологической трактовке современной Гумилеву эпохи 1920-х гг. (в духе О. Шпенглера). Железный корпус трамвая – это «тело» человечества (в трактовке Ф. Нанси).

Извилистый маршрут – это жизненный путь человечества. Люди, входящие и выходящие пассажиры трамвая, – это символическое обозначение постоянного процесса рождения и смерти людей, смены поколений. Краткие встречи с близкими и расставания навсегда – такова судьба человека в масштабах Вселенной. С. Аскольдов пронзительно пишет об образах стихотворения: «Трагизм этой истории, трагизм отдельной человеческой личности – вот что является основной темой стихотворения. ...Смерть и фатальное разделение влюбленных, бессилие человеческой воли перед историческим роком, который мчит человека в неведомое, словно какой-то сорвавшийся и заблудившийся в пространствах трамвай. Все бессилие человека перед этим безжалостным роком, острота боли и тоски человеческого сердца, оторванного от любимого существа – это и есть эмоциональная тема стихотворения» [15, с. 409].

Окна трамвая – это глаза обобщенного «человека», всматривающегося в жизненные ландшафты, которые одновременно и «живая реальность», и «созерцаемая реальность», человек объективизирует реальность, превращая ее в предмет чистого созерцания [10, с. 217].

В сборнике «Огненный столп» антропологическая константа «Евримена» Н. Гумилева дополняется еще одной уникальной способностью человека, его «шестым чувством» – это эстетическое творчество, создание произведений искусства – «бессмертных стихов». Гумилев создает изоморфный ряд творческих субмодальностей человека («Шестое чувство», «Персидская миниатюра», «Слово», «Молитва мастеров», «Звездный ужас»). И если в стихотворении «Шестое чувство» выражена первоначальная репрезентация творческого акта, то другие стихотворения представляют собой итоги этого творческого опыта, разных по своей художественной природе и национальной идентичности персонажей, рожденные «шестым чувством». Здесь и русские сказания «Перстень» и «Дева-птица», и суфийский стих в стиле «мекам» «Пьяный дервиш», и восточный рубаи «Подражанье персидскому», и северное предание «Ольга», и средневековая легенда «Молитва мастеров», и цыганский романс «У цыган», и стихотворения в стиле трубадуров «Канцона первая» и «Канцона вторая», и африканские поверья «Леопард» и «Звездный ужас».

В сознании героя стихотворения Гумилева актуализируются *память-привычка* и *память-воспоминание, воскрешение в памяти и разыскание в памяти* (А. Бергсон). Именно разыскание, воспоминание называется греческим словом *anamnesis*, по Платону.

Стихотворение «Заблудший трамвай» строится по принципу анамнесиса. Сознание «Человека» Гумилева импульсирует поток воспоминаний, разыскивая и воскрешая в своей памяти те, что актуальны в данный момент. Рождается длинная череда воспоминаний, которые презентуют и репрезентируют события его жизни. Порой эти воспоминания перерастают в мифы и пророчества. Связующим звеном между телами является истинное Я – глобальное, всеобъемлющее, живущее вечно сознание, отблеском которого является земная жизнь.

Таким образом, изображение человека как евримена, универсального, всеобщего человека, в сборнике «Огненный столп» позволило Н. С. Гумилеву раскрыть феноменологическую глубину сущности человека, расширяя с каждым своим стихотворением общее феноменологическое понятие «человек». «Евримен» Гумилева – обобщенный человек, заключающий в себе всех людей, для которого характерны мужественность и жизнестойкость, умение творчески выстраивать свою жизнь и отвечать на вызовы жизни и судьбы. «Евримен» Гумилева – это личность, которая может сама решить свои проблемы и с достоинством встретить свой смертный час.

В сборнике «Огненный столп» определяющим станет уникальность человека в мироздании, его отличие от всего на земле, сублимированная «собственная судьба», сохраненная в глубинах человеческой памяти. Н. С. Гумилев собирает своего евримена из множества «осколков» человеческих судеб, запечатленных в его стихотворениях (как инварианты, персонифицированные лирические субъекты), соединяя отдельные индивидуальные истории в единое «тело» человечества. Это «тело» зачинается на заре человечества, продолжается в эпохе, современной поэту, и уходит в бесконечность. Взгляд «человека» Гумилева – это взор всеобщего человека из всеобщего «тела человечества».

В сборнике «Огненный столп» «тело» человечества («Заблудившийся трамвай») в сознании поэта отражается в образе «трамвая дальнего следования» как технологического концепта человечества (в духе «Заката Европы» О. Шпенглера). Пассажиры трамвая, входящие в него, едущие и выходящие, – это люди, родившиеся, живущие и умирающие. Как прекрасно отметил С. Аскольдов в своей работе 1943 г., «под «трамваем» здесь, в сущности, разумеется вся наша планета, земля в ее стихийном полете в невидимых пространствах мироздания.

И опять-таки земля не как астрономическое тело интересует здесь поэта. Он понимает здесь землю как носительницу бурной и как бы заблудившейся человеческой истории» [15, с. 409]. Стихотворение «Заблудившийся трамвай» во многом предвосхитило будущие постмодернистские открытия.

Гумилев отразил в стихотворениях «Огненного столпа» новые научные идеи своей эпохи, в частности, – космизма. Сборник отражает своеобразное представление поэта о космосе. По мнению Гумилева, космос – это широчайшее понятие, совмещающее в себе и представление о родном доме, и сама жизнь, и вечная природа, и человек с его поисками смысла жизни и бытия, и Бог как естественная составляющая мира.

В сборнике «Огненный столп» антропологическая константа «Евримена» Н. Гумилева дополняется его уникальным «шестым чувством» – способностью создавать произведения искусства.

Литература

1. Айхенвальд Ю. И. Гумилев // *Гумилев Н. С. Pro et contra*. СПб.: РХТИ, **2000**. С.491–504.
2. Баскер М. Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай». К прочтению одного прото- акмеистического мифа // Н. Гумилев и Русский Парнас: Мат-лы научной конференции, 17–19 сентября 1991 г. СПб., **1992**. С. 5–24.
3. Бергсон А. *Творческая эволюция*. М.: Рус. мысль, **1914**. 332 с.
4. Бердникова О. А. Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции: автореф. дис. ... д-ра филологических наук. Воронеж, **2009**. 40 с.
5. *Библия. Ветхий Завет. Книга Неемии..*
6. Гумилев Н. С. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель, **1988**. С. 5–62.
7. Дашевская О. А. Окультная традиция Н. Гумилева в творчестве Д. Андреева (к постановке проблемы) // *Культура и текст*. **2005**. №10. С. 52–62.
8. Золотницкий Д. И. Театр поэта // Гумилев Н. С. *Драматические произведения. Переводы. Статьи*. Л.: Искусство, **1990**. 404 с.
9. Ницше Ф. *Собрание сочинений. Т. I. Так говорил Заратустра*. М.: Изд-во Клюкина, **1900**. 360 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания*. М.: АСТ, **2008**. 347 с.
11. Павловский А. И. Николай Гумилев // *Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель, **1988**. С. 5–62.
12. Сафиулина Р. М. Образ маятника в поэзии Н. С. Гумилева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. **2018**. №4(82). Ч. 2. С. 271–275.
13. Сафиулина Р. М. Платоновские мотивы в творчестве Н. С. Гумилева (Опыт акмеистического прочтения Платона) // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. **2017**. №5–2(71). С. 24–28.
14. Семенова С. Г. Семья идей // *Знамя*. **1988**. №3. С. 185–201.
15. Тименчик Р. Д. *Ангелы – люди – вещи в ореоле стихов и друзей*. М.: Мосты культуры, **2016**. 828 с.
16. Тименчик Р. Д. *История культа Гумилева*. М.: Мосты культуры, **2018**.
17. Тименчик Р. Д. *Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев*. М.: Мосты культуры, **2017**. 772 с.
18. Хоружий С. С. Ницше и Соловьев о кризисе европейского человека // *Вопросы философии*. **2002**. №2. С. 52–68.
19. Холл М. П. *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии*. М.: Эксмо, **2007**. 1007 с.
20. Юнг К. Г. *Конфликты детской души*. М.: Какон+, **2017**. 336 с.

Поступила в редакцию 06.10.2018 г.

После доработки – 21.10.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.5.5

Gumilyov's everyman in his poetic collection "The Pillar of Fire"

© R. M. Safiulina

Moscow University of Industry and Finance "Synergy"
2 Izmailovsky Val Street, 105318 Moscow, Russia.

Email: ranovi@yandex.ru

The author of the article deals with the problem of the universal person ("everyman") in N. S. Gumilyov's latest poetic collection "The Pillar of Fire" (1915). It was concluded that Gumilyov created in his works a poetic interpretation of the problem of human in accordance with the discoveries of new sciences about human, which appeared in the late nineteenth and early twentieth centuries: anthropology, phenomenology, sociology, psychoanalysis. In the collection "The Pillar of Fire", the mythologized story of the human fate is revealed. For the first time, the poet creates a mythopoetic portrait of a human of cosmic significance, a "human" as philosopheme and mythologeme. Representation of human image as everyman gave Gumilyov opportunity to reach the phenomenological depth of the universal essence of a person, revealing the anthropological constant – the unifying essential beginning of "Human". In the collection "The Pillar of Fire", he revealed the uniqueness of human in the universe; human are different from everything on earth, sublimating "their own fate". Through the text "The Pillar of Fire" passes the idea "We change souls, not bodies" as an antithesis to other living beings who change only bodies. This idea of "evolution is the process of soul ascension" is central for all other poems in the collection, including the "Lost Tram". N. S. Gumilyov compose his everyman from a multitude of "fragments" of human destinies recorded in his poems; he turned individual stories into a single "body" of humanity. This "body" was conceived at the dawn of humankind; it passes through the modern era (era of the poet) and goes into infinity, the future. Therefore, the lyrics of Gumilyov are "open finals". In the collection "the Pillar of Fire", the "body" of humankind ("Lost Tram") reduced in the mind of the poet to the form of a "long-distance tram".

Keywords: Gumilyov, human, everyman, Bergson, memory, anthropology, phenomenology.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Safiulina R. M. Gumilyov's everyman in his poetic collection "The Pillar of Fire" // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 5. Pp. 386–395.

References

1. Aikhenval'd Yu. I. *Gumilev N. S. Pro et contra*. Saint Petersburg: RKhTI, 2000. Pp. 491–504.
2. Basker M. N. Gumilev i Russkii Parnas: Mat-ly nauchnoi konferentsii, 17–19 sentyabrya 1991 g. Saint Petersburg, 1992. Pp. 5–24.
3. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya [Creative evolution]*. Moscow: Rus. mysl', 1914.
4. Berdnikova O. A. Antropologicheskie khudozhestvennyye modeli v russkoi poezii nachala XX veka v kontekste khristianskoi dukhovnoi traditsii: avtoref. dis. ... d-ra filologicheskikh nauk. Voronezh, 2009.
5. *Bibliya. Vetkhii Zavet. Kniga Neemii.*
6. Gumilev N. S. *Stikhotvoreniya i poemy [Verses and poems]*. Leningrad: Sovet-skii pisatel', 1988. Pp. 5–62.
7. Dashevskaya O. A. *Kul'tura i tekst*. 2005. No. 10. Pp. 52–62.
8. Zolotnitskii D. I. *Dramaticheskie proizvedeniya. Perevody. Stat'i*. Leningrad: Iskusstvo, 1990.
9. Nietzsche F. *Sobranie sochinenii. T. I. Tak govoril Zarathustra [Collected works. Vol. 1. Thus spoke Zarathustra]*. Moscow: Izd-vo Klyukina, 1900.
10. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya [The revolt of the masses. The dehumanization of art. Invertebrate Spain]*. Moscow: AST, 2008.
11. Pavlovskii A. I. *Gumilev N. S. Stikhotvoreniya i poemy*. Leningrad: Sovet-skii pisatel', 1988. Pp. 5–62.
12. Safiulina R. M. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018. No. 4(82). Pt. 2. Pp. 271–275.

13. Safiulina R. M. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. **2017**. No. 5–2(71). Pp. 24–28.
14. Semenova S. G. *Znanya*. **1988**. No. 3. Pp. 185–201.
15. Timenchik R. D. *Angely – lyudi – veshchi v oreole stikhov i druzei [Angels – people – things in the halo of poems and friends]*. Moscow: Mosty kul'tury, **2016**.
16. Timenchik R. D. *Istoriya kul'ta Gumileva [The history of the cult of Gumilyov]*. Moscow: Mosty kul'tury, **2018**.
17. Timenchik R. D. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii, Nikolai Gumilyov [Underground classics: Innokenty Annensky, Nikolay Gumilyov]*. Moscow: Mosty kul'tury, **2017**.
18. Khoruzhii S. S. *Voprosy filosofii*. **2002**. No. 2. Pp. 52–68.
19. Hall M. P. *Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoi, germeticheskoi, kabbalisticheskoi i rozenkreitserovskoi simbolicheskoi filosofii [An encyclopedic outline of masonic, hermetic, quabbalistic and rosenkreitserovskoi symbolical philosophy]*. Moscow: Eksmo, **2007**.
20. Jung K. G. *Konflikty det-skoi dushi [Psychic conflicts in a child]*. Moscow: Kakon+, **2017**.

Received 06.10.2018.

Revised 21.10.2018.